

Дюла Свак Эссе о русском

«Что значит «быть венгром»? – спрашивали еще в 1939 г. известные венгерские мыслители того времени, прежде всего крупный поэт Михай Бабич и крупный историк Дюла Секфю, и, конечно не смогли дать приемлемый ответ на этот вопрос. Несколько лет назад их амбициозные потомки сделали новую попытку: сто́ит ли удивляться тому, что мы опять остались без ответа?

Почему же мне кажется, что ответ на вопрос что значит «быть русским?» может принести большой успех? Потому, что размышлять о русских всегда интересно. Увлекательное занятие – разгадывать «тайну» русских, а выяснить суть «русскости» было бы к тому же просто полезно. Это не значит, что подобные изыскания непременно окажутся успешными, да и вообще все опыты в области национальной характерологии оставляют желать много лучшего и вызывают у людей науки серьезнейшие сомнения. Однако поставленная задача столь масштабна, что даже провальная неудача при ее решении может считаться славной, хорошей «смертью». Между прочим, сомнительно, что к этой проблеме нужно подходить научно, с применением точных методов.

В принципе мы знаем это уже со времени Тютчева. Начнем же с того, что «русскость» не может быть понята умом, что она таинственна, выпадает из сферы рационального и относится к области мистики, что она не может быть описана с помощью рациональных понятий, объяснить ее суть невозможно, в этом могут помочь лишь интуиция, эмпатия и чувство. Это и можно назвать стереотипом «номер один». Его выдумали сами русские, но с энтузиазмом разделяют и зарубежные туристы и инвесторы. Зато он оспаривается политтехнологами, кремлинологами и русистами, в крайнем случае они считают, что ключ к лабиринту секретов можно обнаружить лишь посредством их «мудрости».

Только не рационализм! – кричали в свое время славянофилы, ведь рационализм идет с проклятого Запада, в конечном итоге – из еретической «латинской веры», из католицизма, то есть «от самого дьявола». В чем-то они, видимо, были правы, ведь трое великих рационалистов русской истории (Петр I, Ленин и Ельцин) оставили после себя великие исторические травмы: рабовладельческий государственный феодализм, сталинский государственный социализм и либеральный хищнический капитализм. Таким образом, радикальная европеизация не дала результатов, точнее дала не желаемые результаты, а карикатуру на то развитие, о котором мечталось, которого желали или которое задним числом было признано оптимальным. И так случилось не потому, что упомянутые исторические личности и сами были не свободны от карикатурных черт. Ныне можно усмотреть нечто смешное в гиперактивности «царя-плотника» с большим телом и маленькой головой, в антигероическом нимбе вождя революции или постоянной подвыпитости бывшего партсекретаря. Но суть не в этом, а именно в том, что не они придавали этим героическим периодам историческую комичность. Драма превратилась в трагикомедию на российской сцене.

Однако слишком много людей погибло ради осуществления великой петербургской мечты, было отправлено в ГУЛАГ и слишком много было уничтожено во время второго, ельцинского издания «смутного времени», чтобы можно было акцентировать внимание на гротескных и неуклюжих чертах российского бытия. Западные люди всегда совершают самую большую ошибку тогда, когда начинают посмеиваться над русскими или, что еще хуже, пренебрежительно относиться к ним. Конечно, можно найти достаточно причин для насмешек. Еще в 1963 г., когда я

впервые приехал в Москву, мой отец тоже считал смешным, что в номере гостиницы «Останкино» нельзя открыть окно. В конце концов он дергал ручку окна до тех пор, пока оно вместе с рамой не упало на него. А между тем надо было лишь уметь правильно пользоваться форточкой, что, конечно, предполагало наличие определенных знаний о русской зиме, уже в течение столетий воспетой западными путешественниками, начиная с Марко Поло.

Венецианский купец-сочинитель является первым и одновременно наилучшим примером того, что прибывший издали чужеземец может поведать о России все, что ему заблагорассудится. Вполне естественно, что и он живописал русских холод на примере якобы «действительного случая». По его рассказу, «когда однажды один мужчина с женой возвращались домой после кутежа, женщина присела помочиться. Но был такой страшный холод, что волосы, которые росли у нее между ног, примерзли к придорожной траве. Несчастная женщина не могла двинуться от боли и закричала о помощи. Ее муж, хотя и был пьян, но все же принял беду своей жены близко к сердцу, встал на четвереньки начал дышать на примерзшее место. Однако его дыхание тоже превратилось в лед...» Не буду продолжать это кажущееся сюрреалистическим описание, положившись на визуальную фантазию читателя, который сумеет представить себе эту дуальную скульптурную группу, аллегорически изображающую два вечных топоса Московии: северный мороз и всеобщее пьянство. С таких «правдивых историй» европейский человек начал в XIII в. и ими же продолжал даже в XIX в. величайший русский историк всех времен, Василий Осипович Ключевский, не без оснований жаловался в 1865 г.: «...Русский народ в продолжение многих веков имел то несчастье, что каждый свободно мог распускать о нем по свету всевозможные нелепости, не опасаясь встретить возражения».

Положение не изменилось и сегодня. Мы искажаем, потому что не понимаем. Как и досовременные люди. Наши представления о русском определяются чувством собственного превосходства противопоставлением типа «Мы» – «Они». Восточные славяне обобщающе называли чужеземные народы «немцами», т. е. «немыми», поскольку не понимали их. Прошли столетия, чуть ли не тысячелетия, а мы по-прежнему думаем, что все, кроме нас, варвары.

Варварство, насилие, дикость и брутальность – таковы, по результатам проведенного несколько лет назад исследования, выражения, наиболее часто употребляемые западной прессой по отношению к русским. Кроме этого есть и легкие эвфемизмы (см.: «русский медведь») или синонимично используемые понятия «КГБ» и «мафия». Встречаются и более «софистические» рассуждения (собранные Шафаревичем) о том, что «Историю России, начиная с раннего средневековья, определяют некоторые “архитипические” русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпение к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью. ... Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они (русские – Д. С.) склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя».

Уровень этих рассуждений сопоставим с уровнем сведений, которыми располагали составители «немецкой таблицы народов» XVIII в., которая, как известно, была вывешена во всех немецких трактирах для наставления простодушных трактирщиков относительно нравов иноземцев, заходивших выпить пива. И, надо сказать, у трактирщиков было не слишком лестное мнение о «московитах», которых они считали злонамеренными, крайне грубыми, неучеными, склонными к дракам людьми, похожими на ослов. Другой вопрос, что трактирщики не благоволили и к венграм,

считая их лишь на волосок лучше русских, но такими же кровожадными, жестокими, да к тому же еще и бунтовщиками.

Из всего этого следует очевидная истина, что все мы, народы, расы, полы и конфессии, одинаково близкие к Богу или одинаково далекие от него, являемся жертвами кланового шовинизма, племенного варварства, этнического империализма. Сейчас на прицел попали русские, завтра начнут охотиться и на нас. Здесь поносят их, а в нескольких сотнях километров отсюда бранят нас. Настало время проявить терпимость.

Мы, несомненно, другие. Не лучше или хуже, а просто другие. Русские, например, больше читают, зато сильнее толкаются в метро, ходят в театр в будничной одежде, а их туалеты просто ужасны. Иногда я на занятиях задаю два вопроса на сообразительность. Те, кто дает на них правильный ответ, уже не начинающие в области штудий по русистике. Первый вопрос: с какой целью были просверлены две дыры примерно на уровне глаз в стене, разделявшей кабины туалета, находившегося в моем ленинградском общежитии? Ответ: если встать на кромку унитаза и присесть на корточки, то дырки двери помогали держаться, чтобы не потерять равновесие. Второй вопрос: зачем бабушки продавали перегоревшие электрические лампочки у входа в метро в начале 90-х гг.? Ответ: чтобы покупатели этих лампочек на работе смогли вывернуть исправные лампочки и ввернуть вместо них перегоревшие.

Если на первый вопрос пока еще никто не смог дать правильного ответа (не считая, разумеется, тех, кто уже приобрел соответствующий опыт на месте), то относительно многим студентам еще несколько лет назад удавалось правильно отвечать на второй вопрос. Эта разница имеет серьезную причину. Дело в том, что по культуре отхожих мест мы ближе стоим к западному ватерклозету, чем к азиатскому сортиру с очком и выгребной ямой. Зато люди, выросшие в эпоху реального социализма, и у нас раскрадывали общественное имущество точно так же, как и их советские ровесники. При этом они даже не ограничивались лампочками, а несли домой даже туалетную бумагу, как делают это и до сих пор.

На основании этого миниэкскурса в историю культуры можно предположить, что нам вовсе не стоит абсолютизировать свои отличия от русских. Кое-в чем мы похожи на них больше, чем на просвещенный Запад. Например, в США, где я в свое время принял участие в устроенных во время городского пикника соревнованиях по пинг-понгу, все присутствующие участливо улыбались надо мной как над „лузером», когда я автоматически извинялся после каждой «сопли». Спустя несколько лет я играл в теннис с российским академиком у озера Балатон. Будучи пожилым человеком, мой партнер часто ошибался, но каждый раз приносил извинения громким восклицанием «я виноват»!

Рассказанная мною история говорит не в пользу американцев. Я просто хотел дать почувствовать, что применяемые нами мерки очень субъективны и относительны. Мы, европейцы, закономерно считаем эталоном линейное развитие, ведущее через вдохновение еврейско-христианской культурой и выросший из симбиоза греко-римской античности и варварства феодализм и разрушивший его капитализм.

Если смотреть с этой точки зрения, то предыстория русских не отличается от истории других европейских народов, поздно вступивших на историческую арену. В крайнем случае можно сказать, что восточные славяне первоначально были не столь воинственны, как германцы, но жили в таких же варварских княжествах. Можно долго спорить о роли, сыгранной в это время скандинавскими варягами, но какое бы значение

мы им ни придавали, несомненно, что история Киевской Руси IX–X вв. очень похожа на раннюю историю Венгрии. С той разницей, что наши воинственные предки на своих горячих конях устремились скорее к берегам Атлантического океана и Средиземного моря, в то время как восточные славяне на военных ладьях вели походы к берегам Черного моря. Разница в географической ориентации вскоре сказалась и в религиозно-культурной области: наши предки выбрали веру на Западе, а восточные славяне – на Юге, в Византии. Это многое объяснит в будущем, однако христианизация шла так же медленно, как складывание новых властных структур и нового социально-экономического строя. Во главе молодого государства стоял патримониальный государь, из окружения которого сформировался привилегированный слой, принудивший свободных воинов, составлявших большинство общества, перейти к оседлому образу жизни. У восточных славян этот процесс шел медленнее, поскольку, пользуясь своим более благоприятным геополитическим положением, они могли дольше жить за счет военной добычи, представлявшей собой легкий источник дохода по сравнению с трудоемким земледелием. Однако постепенно у них тоже сложилось крупное светское и церковное землевладение, и хотя поначалу эти земли в основном обрабатывались трудом рабов, с течением времени в зависимом положении оказались и носившие оружие крестьяне. То же самое произошло и на территориях к западу от Киевской Руси, не случайно государи Восточной Европы, уже тогда воспринимавшейся периферией христианского мира, считали друг друга коллегами. Они с энтузиазмом воевали друг с другом и рождались друг с другом путем установления брачных связей, как это и подобало в средние века. Так одна из дочерей Ярослава Мудрого добралась до Шарошпатака и Тиханя. А наш король Андраш благодаря этому стал одновременно свояком французского и норвежского короля.

Положение восточных славян начало ухудшаться тогда, когда татары начали продвигаться в сторону Европы. В данном случае геополитика сыграла с предками русских злую шутку: воспользовавшись неизбежной спутницей ранней стадии государственного развития, раздробленностью, татары подчинили себе значительную часть Киевской Руси и удерживали ее в подчинении в течение долгих 250 лет. В это время на землях, лежавших к западу от восточных славян, в надежде на лучшие условия жизни появились иноземные (в основном немецкие) крестьяне-колонисты и ремесленники, распространившие на новом месте новую, более современную культуру труда и технику, как бы экспортировав достижения стран, возглавлявших процесс феодализации. На этих территориях сложились единое крестьянство и города в западном смысле этого понятия. С этого времени у нас есть основания называть и считать эти территории Центрально-восточной Европой.

Бывшая Киевская Русь оказалась вне этого западного влияния и осталась собственно Восточной Европой, где дела приняли исторически крайне дурной оборот. Это уже эпоха Московской Руси, когда московские князья, сотрудничавшие с татарами, начали собирать бывшие земли восточных славян, собрав к началу XVI в. почти 3 миллиона, а к середине века – приблизительно 5,5 миллионов кв. км этих земель. В «Секретной дипломатической истории XVIII века», которая в эпоху идеологической гегемонии марксизма-ленинизма приобрела известность в самиздате, Маркс писал: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства». Не стоит приукрашивать случившееся: Маркс опять оказался прав, в крайнем случае его не обязательно надо любить за это. И если вдуматься в то, что не так давно русские элиты добились избрания «именем России», то есть величайшим русским всех времен, Александра Невского, которого «поджимали» Столыпин и Сталин и который был обязан своим великим княжением татарам, то можно почувствовать некоторую неловкость из-за того, что я вообще коснулся этой темы.

Однако, если мы говорим о Московской Руси, то нельзя избежать проблемы татарского и вообще восточного влияния. В русском языке едва можно найти слова скандинавского происхождения, гораздо больше в нем монгольских слов, прежде всего в лексике, связанной с государством, управлением и войском. Взглянем на изображение боярина XVI в., оно удивительно похоже на изображение трех библейских волхвов. А главный туристический символ Красной площади, собор Василия Блаженного, – типа восточного пряничного домика. Монголо-татарское влияние проявилось в русской истории с элементарной силой, поэтому настоящая историческая загадка состоит в том, почему оно не смогло изменить структуру русского развития и перевести это развитие на иную траекторию? Почему это влияние не породило восточный деспотизм китайского типа?

А ведь русские великие князья, а позже и цари сделали для этого все возможное. Они рьяно применяли позаимствованные у татар секреты, приемы борьбы за власть, идеи и институты. Они воспользовались византийской церковной идеологией, также имевшей восточные истоки, и создали победоносную на протяжении столетий самодержавную систему. Однако все это сохраняло жизнеспособность только вступив в органическое сочетание с раннефеодальным устройством, то есть устройством европейского типа, с властным принципом «мое княжество – мое частное владение». Однако в результате этого укрепилась, законсервировалась и продлила свое существование архаичная система. Социально-экономический строй России до середины XVII в. замер на уровне, существовавшем на Западе почти на тысячелетие раньше. Во всемирно-исторический период раннего Нового времени в России еще жили по календарю раннего средневековья.

Стóит ли удивляться тому, что Россия не смогла успешно противостоять даже полякам? Этим объясняется начавшаяся после долгих столетий изоляционизма осторожная «европеизация» при первых Романовых, а позже – резкая «европеизация» при Петре I, способствовавшая появлению новых основополагающих противоречий русского бытия. Однако тем временем русских земель не коснулись ни схоластика, ни гуманизм, ни Ренессанс, ни Реформация, да и барокко здесь было лишь неким луковично-купольным «нарышкинским барокко». Если сравнить русскую церковь конца XVII в. с собором Св. Петра в Риме, можно сразу почувствовать разницу. Первый – придворный – театр был создан в России приблизительно в год смерти Мольера.

Таким образом, Петр I в своей деятельности пользовался «чужим материалом». Он не создал нового, а укрепил старое. Не модернизировал, а консервировал страну. Россия стала фактором европейской политики, без ее согласия, как хвалились в России в то время, не могла выстрелить ни одна пушка в Европе, однако она не стала европейской страной. Когда в Европе третье сословие весело копало могилу феодализму, Петр I обязал дворянство нести государственную службу, низвел крестьян до положения рабов и сделал принудительный труд основой мануфактур, выполнявших государственные заказы. Шел процесс государственного накопления капитала, формирования тотальной военной монархии. По мнению либерального историка начала XX в., П. Н. Милюкова, реформы Петра были осуществлены ценой смерти по крайней мере пятой части всего населения. Это насильственное вмешательство сверху дало образец всем дальнейшим «догоняющим модернизациям», которые осуществлялись без гражданского общества, за отсутствием его.

С этого времени Петербургская Россия – империя и великая держава с европейской элитой и азиатским народом. Она похожа на огромный военный корабль, который по инерции лениво двигается вперед, и изменить курс которого хотя бы на миллиметр можно лишь затратив очень много энергии. Однако все чаще осуждаемое крепостничество содержало собиравшуюся в салонах золотую дворянскую молодежь,

которая, покуривая хороший табак и попивая шампанское, составляла планы спасения мира и, опьяненная собственным возвышенным настроением, провозглашала все более и более благородные идеи. Правда ничего не делалось, но это «ничего» было результатом невероятных интеллектуальных и эмоциональных усилий. Зато побочным продуктом этих усилий стали русское любомудрие и классическая русская литература, ставшая частью мировой литературы.

Кто же, прочитав произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, подвергнет сомнению «европейскость» этих писателей? Кому из слушающих музыку Мусоргского, Чайковского, Римского-Кормакова или стоящих перед картинами Репина, Серова и Верещагина придет в голову Азия? Кто посмел бы утверждать, что деятельность Менделеева, Лобачевского и Павлова является частью европейской науки? Или европейская культура может расцвести в азиатской пустыне?

Конечно, та же Россия, располагавшая столь престижной высокой культурой, постепенно становилась в XIX все большим анахронизмом. Она не получила наименование «больного человека Европы» лишь потому, что это наименование было уже «занято» турками. И ей лишь до поры до времени удавалось скрывать это с помощью внешней и внутренней агрессии, так как во время Крымской войны выяснилось, что «король голый», японцы в начале XX в. лишь еще раз подтвердили эту истину, а первая мировая война окончательно похоронила ретроградный самодержавный режим, не способный к обновлению.

В сменившем самодержавие советском режиме, просуществовавшем более семидесяти лет, я хотел бы выделить фактор преемственности. Несомненно, произошла смена режима, однако она, несмотря на свой насильственный характер, осталась в рамках «русской парадигмы». Царизм был свергнут не путчем группы заговорщиков, а террор, коллективизация и лагерная систем не могут считаться личной виной Сталина, этого гибрида Петра I и Ивана IV. Как не может считаться его личной заслугой победа над фашизмом. Русское общество ответило на события первой мировой войны и великодержавные амбиции стран ядра так, как это возможно в условиях полуфеодальной-полукапиталистической периферии. Оно вернулось к географически детерминированной автаркии, к общинным традициям и авторитарному строю. Изменились лозунги, термины, на смену теории «Москва – третий Рим», православному мессианизму пришла идея всемирно-революционного, интернационалистического мессианизма. Однако империя и имперское (само)сознание сохранились.

Этим объясняется, почему не очень сложна задача, стоящая перед современными «наводителями порядка». Будучи некогда исправными членами партии и комсомола, они ныне истово крестятся, в духовной области, за неимением лучшего, уступают ведущую роль патриарху, то есть без всяких затруднений сбросили старую кожу марксизма-ленинизма. Однако музыка советского гимна сохранилась, Ленин спокойно лежит в своем мавзолее и идут споры о возвращении Сталинграду его имени. Память о Великой Отечественной войне практически стала наиболее стабильным фактором, объединяющим общество. Говорят об «управляемой» «суверенной» демократии, но на примере «социалистической» демократии, «социалистического» гуманизма, реализма и т. д. мы ясно поняли, что эпитеты перед разными «измами» в действительности всегда ставят определяемые слова в кавычки. Из всего этого следует, что, даже несмотря на то, что русское прошлое иногда действительно трудно предсказуемо, оно на самом деле позволяет понять настоящее.

Но можно ли с помощью истории определить суть «русскости»? Я – историк, и лишь с большой неохотой вынужден сказать: боюсь, что нельзя. С помощью традиционных средств исторической науки можно, например, установить, что русское средневековье не знало ни сословий, ни сословно-представительных учреждений в западноевропейском значении этих понятий, поэтому и в Новое время в России не сложились буржуазия и парламентарная демократия западного типа. Вследствие этого мы воспринимаем как данность, что и в наши дни в России нет гражданского общества, настоящие парламентские партии лишь «имитируются», а общество постоянно борется с дефицитом демократии. Или, быть может, до сих пор определяющим является фактор, о котором замечательный русский историк С. М. Соловьев еще в середине XIX в. писал так: « Природа для народов Западной Европы была матерью, для народов Восточной Европы — мачехой»? Огромная северная, равнинная страна, перерезанная большими реками. Малоплодородная почва оказалась едва пригодной для обработки. В то же время неисчерпаемые природные богатства соблазняли и до сих пор соблазняют устроить жизнь за счет хищнической эксплуатации этих богатств. Но отсюда следует и то, что открытость границ в течение всей русской истории выдвигала на передний план внешние (оборонительные/наступательные) функции болезненно гипертрофированного из-за этого государства. Поэтому страна приняла вид военного лагеря и постоянно воевала. Таким образом, империя постоянно расширялась, а ее подданные чувствовали себя все хуже и хуже.

За прошедшие столетия эти исторические и географические предпосылки наложили на русского человека особый отпечаток. Мужик ценой громадных усилий отвоевывал у леса пахотную землю, однако суровый климат оставлял ему мало времени для ее обработки. Поэтому он большую часть года ловил рыбу, охотился, занимался собирательством. Он был свободен, так как вплоть до 1649 г. мог свободно переходить с места на место, но еще свободнее была его душа. Русский крестьянин слился с природой, остался созерцательным, медитативным по своему духовному складу и во многих отношениях естественным человеком. Дворянин тоже не был вынужден заниматься хозяйством. За достойную службу государству последнее обеспечивало ему достойное содержание. Поэтому он больше надеялся на царские милости (пожалования), чем на свое скудное поместье. В результате он едва чувствовал/понимал этос дворянской вольности, но тем увереннее ориентировался в лабиринтах государственной службы. Это относится и к бюрократии, коррумпированность которой могла сравниться лишь с продажностью турецких чиновников. Но, быть может, самым жалким представителем русского общества был поп. Бедный, невежественный, неотесанный лакей власти. Петр I не оставил ему даже тайны исповеди. Поэтому православные подданные больше верили отшельникам, юродивым, самоубийственным сектам и отколовшимся от официальной церкви староверам. Что касается отношения к вышестоящим, то не отличался к лучшему и тоненький слой интеллигентов-парвеню: он с радостью обслуживал власть, считая, что обязан ей своим относительно исключительным положением. На вершине пирамиды стояли цари, генеральные секретари. Среди них было несколько талантливых людей, в русско-советской истории в определенной степени можно обнаружить чередование «хороших» и «плохих» государей, но в целом все же нужно согласиться с тем, что народ получил таких руководителей, которых он заслуживал.

Все это справедливо по отношению к массе, к большинству. Однако всегда, во всех социальных слоях встречаются отличающиеся от «нормы», в данных условиях могущие считаться девиантными, необыкновенные люди. С одной стороны, были терпеливые крестьяне, а с другой стороны – их беспокойные товарищи по несчастью, казаки. Следовательно, одинаково справедливы мифы и о раболепстве, о бессловесном

примерении с любым положением, и о беспредельной, опустошительной «народной воле». Далее, несомненно и то, что русский дворянин был «лишним человеком», но дворянином родился, например, и Пушкин. Одновременно, рядом и в противовес друг другу существовали подобные Распутину экзальтированные кутилы и мученики, готовые идти на костер за веру. Чиновники от культуры, пропагандировавшие священную триаду «православия, самодержавия и народности» и взорвавшие царя студенты-«нигилисты». С одной стороны бесчисленное количество советских профессоров истории партии и А. Д. Сахаров, А. И. Солженицын и Д. С. Лихачев – с другой.

Но больше всего отличался от стандарта один из русских царей. Петр I. Который, однако, даже типичное выражал типичнее всех в России. Петр I, который театрально отбросил русские обычаи и нравственные нормы, огнем и мечем истреблял «отсталость», испытывал трудности при употреблении ножа и вилки во время еды, краснел во время беседы с немецкими герцогинями и по-отечески раздавал подзатыльники даже знатнейшим боярам, если считал это педагогически обоснованным. Который задумал построить столицу в болотистом углу империи, хотел разводить на морозном севере шелковичных гусениц, резал кафтаны, бороды и головы. Он не щадил никого, в том числе – что вызывает симпатию – и самого себя. Как писал Ленин (следуя Ключевскому): «Петр варварскими средствами боролся против варварства». Он создал империю на деспотической основе, надолго изгнав иллюзию буржуазного общества. С помощью имевшихся в его распоряжении средств Петр с максимальной эффективностью осуществил реальную цель, стоявшую перед его страной. Однако человеческих жизней жаль во все исторические эпохи, особенно, если принесенные жертвы оказались бесполезными. Петр совершил то, что он должен был и мог совершить. Он «европеизировал» стиснув зубы, так как в этом нуждалась его самодержавная империя. Россия как великая держава имеет все основания для прославления Петра, а ее подданные – для его проклятия.

В начале 80-х гг. я часто бывал в СССР. В то время генеральные секретари партии довольно часто сменяли друг друга. В день похорон одного из них я сидел в комнате сорокалетнего декана, между прочим, прекрасного историка. Атмосфера была не столько траурной, сколько напряженной, поскольку в государственных учреждениях нужно было в обязательном порядке смотреть церемонию похорон, а у университетского телевизора работал только звук, изображения не было. Наконец, после долгих усилий появилось изображение, тогда мы выключили звук и начали разговаривать о наших делах. Точнее, разговаривали *бы*, если бы в комнату не вошел пожилой седобородый профессор, долго просивший извинения за то, что из-за болезни не смог принять участие в последнем совещании. «Хорошо, – прикрикнул на него мой собеседник, – но чтобы этого больше не было» Признаюсь, меня удивила эта сцена, ведь в Венгрии и 25 лет назад было неприято ставить в угол пожилых ученых. Я вопросительно взглянул на декана. «С ними можно обращаться только с помощью сталинской дубинки», – сказал он и , со своей стороны, посчитал вопрос закрытым.

Прошло лишь несколько лет, когда по случаю проведения Европейского культурного форума я получил возможность поговорить с эмблематичным русским интеллигентом эпохи Горбачева, академиком Д. С. Лихачевым. Разговор шел, конечно, ни о ком другом, как о Петре I, за разговором последовал обмен письмами (я был очень рад тому, что Дмитрий Сергеевич позже опубликовал свое письмо), в ходе которого Д. С. Лихачев утверждал, что абсолютизм был естественным обрамлением русской

истории. На словах он еще добавил: «И русскому интеллигенту не осталось другого выбора, как надеяться на то, что во главе страны встанет не деспот, а просвещенный монарх».

Так ли это? Ныне мой отрицательный ответ был бы уже гораздо более неуверенным. История, несомненно доказав, что частью «русскости», ее определяющей особенностью является авторитарный порядок, но ее частью является и свобода. Свобода необозримой тайги, быстротечных рек, разливающейся музыки. Безграничное преобладание русской души, которая, если нужно, всегда перечеркивает трезвые расчеты, холодные закономерности, исторический фатум. Порядок и беспорядок, насилие и милосердие, тихое примирение и безудержный бунт, материализм и духовность, погоня за прибылью и благотворительность образуют в России пары, находясь в мире и постоянной вражде друг с другом.

Да, быть может, именно эта двойственность наилучшим образом характеризует русскость. Это и Европа и Азия, вера и атеизм, христианство, но восточное, бесчувственность и человечность, величие и в то же время греховность.

Я не думаю, что русские таинственны и непознаваемы. Да и русские тоже не думают так о себе. Больше того, они с недоумением относятся к тому, что их иногда не понимают. Для меня, например, до сих пор остается тайной, когда русские переходят с «вы» на «ты», почему в свое время шампанское, считающееся «фешенебельным» напитком, стоило копейка в копейку столько же, сколько народный напиток водка, или сколько именно времени обозначает слово «сейчас»? Но я стараюсь все воспринять и стремлюсь все понять. Я предлагаю всем, кто хочет не только понять, но и почувствовать, быть открытым, освободиться от предрассудков и запастись эмпатией. Это не так уж много. Русским нужно оказывать такое же доверие, которые мы оказали бы и самим себе.

Что же такое русскость? Русскость – это длинноволосая блондинка, очарованно, с затуманившимися глазами слушающая «Молитву» Булата Окуджавы. Ее волосы – бескрайняя русская равнина, глаза – синева рек, лицо – гармония Андрея Рублева, душа – симфония мирского и церковного. Но русскость – это и Иван Грозный, и Петр Великий, и Сталин. Но не позволим себя обмануть! До сих пор справедливы слова нашего великого писателя XIX в., Мора Йокаи, который указал на истинные ценности: «У русского правительства есть кнут, сибирская каторга и писанные кровью указы, зато у русской нации есть стремление к свободе, о котором непоколебимо возвещают миру ее демократические кружки, и есть богатая литература, вдохновенные подвижники которой борются за всеобщее духовное оздоровление, за великие идеи эпохи...».

«Русский» – значит человек. Немного другой, чем венгр. Не лучше и не хуже, не талантливее, и не бесталаннее. Иногда у него плохое настроение, он просыпается усталым и хмуро идет на работу. Но в другой раз на него падает луч солнца, и он прижимает к груди весь мир. В таких случаях он частенько выпивает, но так же, как и все остальные, любит своих детей и бережет семью. У него есть свои мечты, цели и увлечения. У русских немного позже встает и как будто несколько раньше садится солнце. У них холоднее, чем у нас, шире дороги и большие расстояния. Там все больше. У них больше высоких и светловолосых людей. Они лучше играют в хоккей и баскетбол. Зато мы часто побеждаем их в соревнованиях по водному поло. Их футбол сейчас лучше, но и они не слишком довольны им. У них немного больше писателей, удостоенных Нобелевской премии, но и мы не можем пожаловаться на наших уехавших в Америку атомных физиков. Из России приезжают массы туристов, венгры обычно говорят: «их много, как русских». Они хорошие гости: много пьют, дают много чаевых. А о нас говорят, что мы очень гостеприимный народ.

За двенадцать столетий, в течение которых мы соседствуем с ними на восточноевропейской равнине, мы, собственно говоря, жили нормально, если в дело не вмешивалась политика.

...Что же значит быть русским? Интересный вопрос, ну а что значит быть венгром?...